

УДК 343.131.8

ББК 67.408.143.23

Социально-психологические и правовые факторы лжи

Б.В. Псарёва, А.В. Гамаюнова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Socio-Psychological and Legal Factors of Lies

B.V. Psareva, A.V. Gamayunova

Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматривается уголовно-правовой аспект лжи как способа противодействия успешной деятельности юриста (в частности уголовно-правовой специализации) по достижению истины как главной цели уголовного судопроизводства (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Приведен анализ факторов, провоцирующих данное явление, а соответственно, актуализирующих необходимость обновления тактико-психологического арсенала органов следствия. Выявлено, что ряд факторов обусловлен пробелами в федеральном законодательстве РФ. Сделаны выводы относительно возможных способов преодоления данного противодействия успешному предварительному расследованию, т.е. назначению уголовного судопроизводства. Отмечено, что важное значение отводится именно повышению компетенции юристов и экспертов, специалистов, цель которых — преодоление противодействующей силы лжи. Как целесообразный и инновационный вариант предложена психотехника профайлинга по направлению «безынструментальная детекция лжи».

Ключевые слова: юриспруденция, истина, ложь, коммуникация, риск, социально-психологическая компетентность, детекция лжи.

DOI 10.14258/izvasu(2018)6-50

В своей профессиональной деятельности юрист (особенно сотрудники правоохранительных органов), существуя в жестких процессуальных рамках, зачастую сталкивается с правовыми, процессуальными, социально-психологическими проблемами, что препятствует эффективному и оперативному решению профессиональных задач (в т.ч. на предварительном расследовании).

Согласно ст. 6 УПК РФ [1] назначение уголовного судопроизводства: 1) защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защита личности от незаконного и не-

The article deals with the criminal law aspect of lies as a way to counter the successful activity of a lawyer (in particular, criminal law specialization) to achieve the truth as the main goal of criminal proceedings (article 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). The analysis of the factors provoking this phenomenon, and, accordingly, actualizing the need to update the tactical and psychological arsenal of investigative bodies is given. It was found that a number of factors are due to gaps in the Federal legislation of the Russian Federation. Conclusions are drawn on possible ways to overcome this counteraction to a successful preliminary investigation, i.e. the initiating of criminal proceedings. The authors of the article came to the conclusion that it is important to improve the competence of lawyers and experts, specialists, whose goal is to overcome the opposing force of lies. As an expedient and innovative option, the psychotechnics of profiling in the direction of non-instrumental lie detection is proposed.

Key words: law, truth, lie, communication, risk, socio-psychological competence, lie detection.

обоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод, отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение от наказания, реабилитация необоснованно подвергшихся уголовному преследованию; 3) уголовное преследование и назначение справедливого наказания виновным. На достижение заданных УПК РФ целей направлены усилия правоохранительных органов по расследованию, раскрытию преступлений и изобличению виновных, в частности поиску и установлению истины.

Казалось бы, изучение истины — философский вопрос, а не правовой. Но истина — главная

цель (назначение) уголовного судопроизводства. Современный УПК РФ не упоминает данного понятия, но упоминает присущие свойства: справедливость, объективность, достоверность и точность. С достижением истины связаны принцип состязательности сторон, презумпция невиновности и т.д. Законодатель предоставляет право лишь догадываться о главной цели уголовного судопроизводства, сомневаться в возможности достижения истины, чем освобождает себя от обязанности восстановления полной картины преступления. Но это не значит, что уголовно-процессуальная система не стремится к установлению истинной картины преступления. Невозможно вершить правосудие, если органы следствия или суд, выносящий приговор, не уверены в возможности достижения истины по делу. Советский правовед М.С. Строгович подчеркивал, что только приговор, основанный на истине, соответствует целям и задачам уголовного судопроизводства. Истина «в уголовном судопроизводстве как соответствие действительности выводов следователя, прокурора, судьи или суда, разрешающих дело». Истина — главный принцип, без стремления к которому нет реализации назначения уголовного процесса, все уголовное судопроизводство теряет смысл [2, с. 113].

Негативное явление, антипод истины для органов следствия и суда — противодействие заинтересованных сторон всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела. Одна из форм противодействия — ложь [3, с. 50].

Ложная информация, попадая в сферу судопроизводства, опасна для личности, общества и государства, так как препятствует достижению истины в уголовном и гражданском арбитражном, административном и конституционном судопроизводстве по алгоритму: 1) ложное утверждение о значимом для уголовного или гражданского дела факте вводит в заблуждение лицо, ведущее производство по делу; 2) на основе ложной информации принимаются неверные управленческие решения, формулируются ложные следственные версии, не соблюдается процессуальный порядок получения достоверных доказательств по делу, допрашивается лишнее количество лиц (вызов дополнительных свидетелей), откладывается назначение и ожидание результатов судебных экспертиз; 3) следствие оказывается в тупике, быстро реагировать на динамично меняющуюся ситуацию уже невозможно; зачастую сами правоохранительные органы ограничивают себя во времени и принимают поспешные и неграмотные решения; затягиваются разумные сроки уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ) [1; 4, с. 23], а установить всю картину события преступления и все обстоятельства по делу так и не удастся.

Важен вопрос, как предупредить ложь и как достичь истины при таком разнообразии процессуальных факторов, тем самым выполнив задачи органов следствия и суда, повысив качество их работы и, соответственно, выполнив назначение ст. 6 УПК РФ.

Уголовное законодательство РФ ведет борьбу с данным явлением. Несмотря на то что ст. 159 УК РФ устанавливает ответственность за мошенничество, где в качестве средства преступления используется обман или злоупотреблением доверием, а ст. 307 УК РФ — за дачу заведомо ложных показаний (далее — ЗЛП) в суде либо на предварительном расследовании, в реальном мире даже это не может помешать человеку лгать [5].

Существуют правовые недостатки уголовно-правовой нормы:

1) состав преступления ст. 307 УК РФ (ЗЛП свидетеля, потерпевшего, заключение или показание эксперта, показание специалиста, заведомо неправильный перевод) — высокая латентность из наиболее латентных преступлений. Проанализированные научные работы и статистика РФ показали, что количество зарегистрированных уголовных дел по ЗЛП очень мало, несмотря на то что данное явление весьма распространено. Факторы числа латентных преступлений: а) факты лжесвидетельства не всегда получают уголовно-правовую оценку. Объективно существующий порядок УПК РФ на факты заведомо ложного доноса, ложных показаний: суд не вправе возбуждать уголовное дело за совершение данных общественно опасных деяний и сразу же рассмотреть дело. Субъективно — лояльное отношение правоприменителей к установленному факту лжесвидетельства, что не реализует принципа неотвратимости ответственности. В ходе изучения статистических сведений также установлено, что: а) судами рассматриваются не все зарегистрированные уголовные дела по ст. 307 УК РФ: 2008 г. — 2133 дела направлено в суд (-406); 2009 г. — 1977 (-210); 2010 г. — 1523 (-232); 2012 г. — 1015 (-142); 2013 г. — 899 (-187); 2014 г. — 821 (-235). За 2012–2014 гг. 564 уголовных дела по ЗЛП свидетелей и потерпевших были прекращены либо приостановлены на стадии предварительного расследования. Несмотря на снижение числа возбуждаемых по ст. 307 УК РФ дел, количество прекращенных и приостановленных уголовных дел увеличивается ежегодно; б) по расчетам научно-исследовательской группы НИИ при Генеральной прокуратуре РФ, средний коэффициент латентности по Российской Федерации за 2016–2017 г. составил 33,02; в) по статистике МВД России, уголовных дел по ст. 307 УК РФ в Российской Федерации зарегистрировано: 2005 г. — 2468; 2006 г. — 2800; 2007 г. — 2304; 2008 г. — 2539; 2009 г. — 2187; 2010 г. — 1755; 2012 г. — 1157; 2013 г. — 1086; 2014 г. — 1056;

2015 г. — 1038; г) уголовные дела о ЗЛП составляют лишь сотые доли процента от всех зарегистрированных преступлений в РФ: 2012 г. — 0,051%; 2013 г. — 0,049%; 2014 г. — 0,048%; 2015 г. — 0,044%. Хотя, как утверждает О.А. Карпенко, ложные показания встречаются в большинстве расследуемых дел [6, с. 135];

2) примечание к ст. 307 УК РФ [5] предусматривает освобождение от уголовной ответственности свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста или переводчика при добровольном заявлении в ходе дознания, предварительного следствия или судебного разбирательства до вынесения решения по делу или решения суда о ложности показаний, заключения, перевода. С одной стороны, у лица есть возможность «исправиться», но в правоприменительной практике норма способна породить ощущение безнаказанности их лжи, возможности ухода от ответственности за невыполнение своего государственного долга в любой момент производства, отказа от прежних показаний без последствий и повторной дачи ЗЛП при любом раскладе событий. С другой стороны, из формулировки примечания непонятно, какое судебное заседание имеется в виду (где субъект дал ложные показания или где он — в качестве подсудимого за дачу ЗЛП). Злоупотребляя этим правом, субъект: 1) затягивает с признанием, выдвигает версию своей непричастности, когда первоначальные данные указывают обратное, показания противоречат другим доказательствам, но прямых доказательств нет; 2) после добровольного признания в тяжком преступлении и фиксации показаний, их проверки на месте, предъявления обвинения и дальнейшего нахождения под стражей, спустя время, на последующих этапах расследования заявляет о своей непричастности, выдвигает иную версию, которую следователь обязан будет проверить. И все сначала. Тем самым отнимается время у следствия, нарушаются разумные сроки судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ) [1];

3) мягкая санкция — снижение общей превенции, потенциальные лжесвидетели готовы в случае разоблачения претерпеть относительно негативные последствия (особенно когда, к примеру, преступник сразу заявляет потенциальному лжесвидетелю о своей готовности в случае чего заплатить штраф за выгодные ему неправдивые показания). Сотрудники правоохранительных органов также менее активно и настойчиво выявляют факты лжесвидетельства и доказывают вину лиц, давших ЗЛП, понимая, что в итоге их значительных усилий будет небольшой штраф, который лицо в состоянии возместить.

Процессуальное законодательство (УПК, АПК, ГПК РФ) свидетельствует, что законодатель не жертвует всем ради достижения истины. С одной стороны, УПК требует совершенствования борьбы с преступностью, выполнения назначения и соблюдения

определенных принципов уголовного судопроизводства (ст. 6.1, 7, 17, 14 УПК РФ). С другой — требует соблюдения этих принципов определенными способами, т.е. ставит некоторые процессуальные ограничения нарушений некоторых принципов (ст. 9, 10, ч. 1 и 2 ст. 11 УПК РФ), прав участников, а потому достижения истины:

1) согласно ч. 7 ст. 42, ч. 8 ст. 56 УПК РФ [1] потерпевшие и свидетели несут уголовную ответственность за отказ от дачи и дачу ЗЛП. Но согласно ч. 1 ст. 51 Конституции РФ [7], п. 3 ч. 2 ст. 42, п. 1 ч. 4 ст. 56, ст. 46, 47 УПК РФ [1], примечанию ст. 308 УК РФ [5] каждый допрашиваемый имеет право на открытый и прямой отказ давать показания, исключая уголовную ответственность, не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется п. 4 ст. 5 УПК РФ [1], т.е. свидетели и потерпевшие могут умолчать об известных им фактах преступления, несмотря на потенциальный существенный вклад их показания в выявление истины. Уголовная ответственность по ст. 307 УК РФ (только за активные действия) наступает в случае одновременно отказа от права и дачи ЗЛП. Ответственности за бездействия (умолчание об известных фактах, констатирует, что не знает — не вид отказа) нет. Привлечь по ст. 307 УК сложно, так как зачастую умысел на дачу ЗЛП сложнодоказуем, даже сам факт лжи выявить бывает не всегда возможно;

2) УПК РФ расширяет права подозреваемого, обвиняемого, подсудимого: отсутствие ответственности за дачу ЗЛП, так как дача показаний — право, а не обязанность. Одно дело — не свидетельствовать против себя (вообще не давать показаний), другое — давать ложные, что противоречит принципу состязательности, равенства сторон и справедливости. В уголовном процессе обвиняемый (настоящий виновный), как никто другой, заинтересован в воспрепятствовании расследованию. Получается, какую бы информацию лицо ни предоставило (правдивую или ложную), ему не грозит наказание за отказ или дачу ЗЛП, поэтому нет страха быть наказанным за факт лжи. Следовательно, лицо будет противодействовать расследованию, т.е. лгать, чтобы избежать наказания за совершенное деяние (предмет лжи), если правда раскроется. Авторы убеждены, что за дачу ЗЛП обвиняемый должен нести ответственность. Аналогичная ситуация в отношении истца, ответчика и третьих лиц в арбитражном, гражданском, конституционном судопроизводстве (согласно ч. 4 ст. 56 АПК [8], ч. 1 ст. 176 ГПК РФ [9] за дачу ЗЛП, отказ от дачи ответственность несет только свидетель). Высказывается предложение о целесообразности в гражданском и арбитражном процессах предусмотреть за лжесвидетельство административную ответственность, но законодатель

не предпринимает попыток, поэтому этот пробел осложняет процессуальный ход доказывания в любом судопроизводстве;

3) запрет использования любых некомпетентных психических и физических методов «выбивания правдивых показаний» (пыток, насилия, жестокого обращения, унижения чести и достоинства личности), что требует использования гуманных и эффективных методов работы с участниками уголовного судопроизводства, воздействия на личность. В этой связи повышаются требования к владению такими методами. Поэтому следует обратить внимание на отсутствие у юристов осведомленности о них, т.е. профессиональной социально-психологической и коммуникативной компетентности по многим вопросам (в частности, безынструментальной детекции лжи, или БДЛ), что также дополнительно провоцирует ложь [10, с. 15].

Таким образом, факторами, провоцирующими ложь (в т.ч. корреляционного понижения эффективности профессиональной деятельности и назначения уголовного судопроизводства) являются: 1) специфика феномена лжи и назначения юридической деятельности; 2) факторы риска, характеризующие юридическую деятельность; 3) несовершенство федерального законодательства РФ (уголовного, уголовно/гражданско/арбитражно-процессуального); 4) слабая техническая оснащенность следственных подразделений и неэффективность традиционного следственного арсенала; 5) недостаточная тактико-психологическая грамотность (компетентность) следователей.

На наш взгляд, важно комплексное решение проблемы.

Во-первых, правовая реформа должна укрепить и усовершенствовать институт мер ответственности по ст. 307 УК РФ, так как нормы уголовного законодательства не всегда ясны и профилактически эффективны, растет коэффициент латентности и остаются негативные последствия преступления. Во-вторых, совершенствование разных традиционных криминалистических тактик и методов проверки информации: рефлексивные и другие игры, уточнение данных из независимых источников, технические средства, создание проверочных ситуаций,

изучение реакций объекта на судебной психофизиологической экспертизе (полиграф), внедрение достижений технических и естественных наук. Помешать лгать невозможно даже с точки зрения уголовно-правовой санкции, а зачастую вышеназванные средства бывают неэффективны или необщедоступны (обычно по материальным причинам).

Поэтому, в-третьих, можно преодолеть ложь, пробуя нетрадиционные новые удобные методы, что возможно через повышение профессиональной компетентности. Сегодня правоохранительная система занимается обновлением тактико-психологического арсенала по оценке достоверности информации — поиском, интеграцией и качественным использованием в отечественной правоохранительной деятельности новых, адекватных и экономичных методов противодействия, борьбы и минимизации негативных тенденций ЗЛП в уголовно-процессуальных отношениях, знаний психологии и поведения личности преступника. Востребованы не просто фундаментальные психологические знания, а их прикладная специфика (способность сокращать затраты и ресурсы). Поиск увенчался успехом: психологическая наука предлагает новую и эффективную технику — профайлинг (БДЛ). Вопрос об интеграции и качественном использовании все же остается открытым, так как предполагает наличие и качество обучения ее носителей (юристы любой специализации; привлекаемые эксперты и специалисты).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод: ложь — наиболее распространенный компонент противодействия расследованию, что отрицательно влияет на качество работы органов расследования ввиду отвлечения сил на его преодоление. Допрашивающему нужно проявить все свои знания и опыт, чтобы, сопоставив имеющуюся по делу информацию, установить факт ложного и заведомо ложного показания. Необходимо также умело оперировать различными приемами преодоления противодействия расследованию, найти способы детекции лжи, получить достоверную информацию от фигурантов уголовного дела, как это требуют интересы следствия и принцип справедливости приговора.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Джумаева Р. Х. Истина как главная цель уголовного судопроизводства России // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 16.

3. Спирица Е.Н. Психология лжи и обмана. — СПб., 2015.
4. Фрай О. Ложь. Три способа выявления лжи. — СПб., 2006.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.04.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Карпенко О.А. Сущность дачи заведомо ложных показаний как приема противодействия расследованию преступлений // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. — 2017. № 2 (28).
7. Конституция Российской Федерации : Федеральный закон от 12 декабря 1993 г. № 11-ФКЗ (ред. от 21.07.2014) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 03.04.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Власов А.И. Психолого-акмеологические технологии выявления заведомо ложных показаний в следственной деятельности : автореф. дис. ... докт. психол. наук. — М., 2010.